

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Литературная мастерская «Мастер-круг»
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Николай КАЛАШНИКОВ

Татьяна НИКОЛАЕВА

**Реальность фантастики
и
фантастика реальности**

Диалог

Новокузнецк
2010

УДК 82.01
ББК 83.014
К 17

Калашников Николай Николаевич

Реальность фантастики и фантастика реальности : диалог / Николай Калашников, Татьяна Николаева ; ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Литературная мастерская «Мастер-круг», Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2010 . – 16 с., фото.

© Калашников Н., Николаева Т.
© На первой странице обложки – рисунок Константина Егорова
Фото Сергея Загнухина

Николай, мы сейчас с тобой добровольно встали по разные стороны баррикады. Не-е-ет, мы не будем друг друга уничтожать, потому что после этого «диалога – боя» пойдём на общее поприще–ниву, на которой возрастают семена посеянных Богом талантов. И – плечо к плечу – будем поливать росточки, выщипывать сорнячки, рыхлить почву, прикрывать от зноя возлюбленную нами новую поросль литературы. Но вот я предпочитаю литературу, отражающую реальность, а ты – литературу жанра фантастики. Почему? За что ты предпочёл этот жанр?

Пожалуй, прежде всего за свободу. Свободу выражения мысли. Свободу поднимать те вопросы, которые в так называемой реалистической литературе просто не возникают. Например, проблемы осознания человеком своего места в Человечестве, в масштабах планеты, во Вселенной. Что есть Человечество (не отдельный человек – Человечество), зачем оно, каковы его задачи. Для «реалистической» литературы таких вопросов нет, она до них не то что не доросла – у нее нет возможностей, приемов, методов (не знаю еще чего), чтобы эти вопросы просто поставить. Даже те же проблемы экологии в масштабах планеты, о том, что человек губит её, – все эти проблемы подняты были именно в фантастике. И продолжают волновать именно фантастику.

Летом 1987 года братьям Стругацким на Всемирном конвенте фантастов Worldcon-87 вручили приз Всемирной организации научной фантастики с девизом «За независимость мысли». Это была, пожалуй, самая дорогая награда из всех, очень немногих, какие получали А. и Б. Стругацкие. Вот такую же независимость мысли воспитывали Стругацкие и в своих читателях. Недаром любимый афоризм читателей (и почитателей) Стругацких – фраза из «Улитки на склоне»: **«Думать – не развлечение, а обязанность...»**

Еще одна свобода фантастики – это возможность говорить откровенно с читателем даже при самых «цензурных» режимах. Именно к фантастике прибегали во все века, чтобы быть откровенным. Вспомним предысторию фантастики. Гомер, Рабле, Свифт, Франс, Лондон... Радищев, Пушкин, Гоголь, Тургенев, Достоевский... Впрочем, я думаю, что вы не найдете ни одного крупного писателя, который бы не прибегал к фантастике. Уж на что я считал сугубыми реалистами Льва Толстого и Чехова – но есть фантастика и в их творчестве.

Разумеется, я говорю о литературной фантастике. Научная фантастика, которая появилась в середине XIX века в творчестве Жюль Верна, это только один из подвигов фантастики эпохи научной революции. Сейчас научная революция плавно перетекла в информационную, а может, уже и в следующую стадию, так что жанр научной фантастики, в том виде, в котором он существовал большую часть XX века, уже не особенно актуален. Я бы сказал, что он благополучно исчезает... если бы не одно но... Научная фантастика продолжает развиваться, только базируется сейчас не на физике-химии-астрономии, а на таких науках, как история, педагогика, этика, пусть даже теология... Это не так заметно, но от этого фантастика не становится менее научной.

Появляются новые подвиды (поджанры). Альтернативная фантастика и криптоистория, фэнтези, паропанк... По-прежнему востребуема антиутопия. Впрочем, одна из последних утопий XX века – эпопея Ван Зайчика (псевдоним писателей Вячеслава Рыбакова и Игоря Алымова) «Плохих людей нет» – достижение в литературе. И если «реалистическая» (а точнее, давным-давно «мейстримная») литература и такая же критика ее не «заметили» – это минус реализму, а не фантастике.

Кто-нибудь из «реалистов» пробовал себя в роли Демиурга – строителя Мира? Вряд ли. Для «реалиста» это просто-напросто невозможно. А авторы фэнтези постоянно примеривают на себя эту роль. Конечно, подняться до уровня Дж.Р.Р.Толкина или братьев Стругацких мало кому удастся (на то они и классики), но даже попытки очень часто интересны. А создать свой вариант истории, при этом не погрешить против науки истории ни на йоту?..

Меня всегда возмущало, что, когда говоришь с людьми, воспитанными только реалистической литературой или вообще далекими от литературы, слышишь от них, мол, фантастика – это где-то там, во Вселенной, в Галактике, в далеком будущем, это приключения... но это к Земле, к земным проблемам, к человеку отношения не имеет. Это все было привито нашему человеку еще в годы Советской власти, для которой фантастика была литературой не нужной, диссидентской, подрывающей основы. В то время, когда будущее предвидеть могла только «родная Коммунистическая партия», а еще точнее – ее Политбюро, разумеется, любой, кто пытался заглядывать в будущее вне ее генеральной линии, вне ее всевидящего ока, был врагом, которого надо уничтожать. Такое же отношение осталось и у нашей российской власти, и у нашего российского обывателя. А на самом деле фантастика, разумеется хорошая, талантливая фантастика помогала понимать, что же происходит в нашей жизни, почему мы живем в вечном строительстве светлого будущего, но никогда не жили (и не живем!) в светлом настоящем.

Аркадий Натанович Стругацкий в начале 80-х давал интервью «Московским новостям». После того, как он перечислил с десятков имен замечательных западных фантастов, на недоуменную реплику интервьюера: «Но ведь там выходит огромный поток фантастической литературы...», ответил:

«О космических войнах и всяких чудовищах?.. Это не фантастика. Это аттракцион, перенесение в космос или в будущее современных ужасов, войн – что наиболее печально – и прочей ерунды. Фантастика, как и любое иное явление культуры, должна отражать стремление человечества к миру, счастью, совершенству.»

Более чем 20 лет назад я пробовала себя в прозе, и жанром новелл (так я эти пробы обозвала) была фантастика. Одно из произведений сохранилось (несмотря на перестроечное «всесожжение») и вернулось ко мне в новом уже тысячелетии. Перечитываю, дивлюсь: реальность обскакала мои фантазии и, обернувшись, сделала «физию» с высунутым языком: скрипи-

моя-телега!.. Тем не менее я тогда выбрала именно жанр фантастики! Теперь понимаю, почему...

Кого из наших российских классиков прозы ты назовешь фантастами? И почему? Каковы основные признаки, проводящие «красную черту» между реализмом и фантастикой? (Кстати, всех героев своих новелл я «списывала» с натуры, даже имена меняя отчасти...)

Ну вот тебе и ответ. Нет никакой «красной черты». Писатели XIX века, которых мы зовем классиками, никогда не задумывались, что они пишут – фантастику или нефантастику. Не было такого деления тогда. Чем отличается «Капитанская дочка» от «Пиковой дамы» или «Гробовщика»? Да практически ничем. Ну понадобилось Александру Сергеевичу вывести призрак мертвой графини – показал, что мир гораздо более сложен, чем нам кажется на первый взгляд. Это потом уже критики начали придумывать разные термины: «двоемирие», «реальность сна»... Просто для настоящего художника нет никаких границ, чтобы решить поставленную в произведении задачу. И если встреча с мертвецом ярче проявит какие-то качества героя или поможет решить какие-то другие задачи, то настоящий художник устроит герою такую встречу. А вот «реалист» – спасует.

Я считаю, что к началу XXI века так называемая «реалистическая» литература просто-напросто благополучно скончалась. По сравнению с литературой фантастической она скучна и неинтересна. Она не поднимает (и не может поднять) глобальных вопросов, интересующих сейчас человечество и молодежь. И в прошлом ни один из крупных писателей не мог пройти мимо фантастики. А кого сейчас из писателей «мейстрима» поднимает критика «на щит» и за какие произведения? Пелевин, который пытается открещиваться от фантастики, начинал как фантаст, даже получал премии за фантастику, и продолжает пользоваться теми же приемами. Одно из лучших произведений Татьяны Толстой – антиутопия. «2017 год» Славниковой – фантастика. Сорокин знаменит матом и... фантастикой. И т.д., и т.п. Правда, критика не замечает, что те приемы, методы, которыми воспользовались писатели-«мейстримщики», давным-давно пройденный этап в фантастике.

Вообще-то для меня фантастика в литературе начинается там, где автор вводит в произведение элемент невероятного, невозможного или пока что невозможного. Разумеется, сюда войдет очень многое – от сказок до полунаучных-полухудожественных трактатов, скажем, К.Э.Циолковского или Джордано Бруно. Так что выводить фантастику из реализма я бы не стал. Это нормальные реалистические произведения. Только в XX веке фантастику (как, впрочем, и детектив, и мелодраму...) загнали в какое-то гетто и думали, что литература от этого выиграла. Почему-то никто не считает недолитературой детективные и фантастические произведения Конан-Дойля. В Америке произведения Рея Брэдбери и Курта Воннегута-мл. всегда считались большой литературой (хотя у них там тоже есть это дурацкое деление на литературу и фантастику). Это у нас их произведения посчитали фантастикой и издали как фантастику. (И слава богу, что так посчитали, а то бы в советское время не видать их переводов.)

А что касается наших классиков, то практически все (все!) крупные, хорошие, великие, талантливые (определение выбирай сама) писали фантастику. Я уже называл Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова. Можно продолжить: из XIX века – Лермонтов, Одоевский, Салтыков-Щедрин, Чернышевский, Лесков, Сомов, Вельтман, А.К.Толстой... А XX век. Назовите мне хоть одного крупного писателя, который бы не работал в фантастике. Куприн, Брюсов, Маяковский, А.Н.Толстой, Платонов, Замятин, Л.Леонов, Вс.Иванов, Твардовский, Гранин, Тендряков, Шефнер, Айтматов... Владимир Орлов и Анатолий Ким, Василий Аксенов и Владимир Войнович, Фазиль Искандер и Аркадий Арканов, Григорий Горин и Вениамин Каверин... (Имена навскидку. Разумеется, обращавшихся к фантастике было гораздо больше.) Большинство из российских писателей XX века не только не хотели называть себя фантастами, но и называть фантастическими свои сатирические, сюрреалистические, фантазмагорические, сказочные и прочие нетрадиционные («нереалистические») произведения. Но в истории литературы уже не обойти тот факт, что все они писали фантастику. Я уж не

говору двух самых талантливых российских писателей XX века: Михаиле Булгакове и А. и Б. Стругацких.

Так что делить надо не на литературу и фантастику, а на литературу (это может быть «Идиот», а может быть и «Обитаемый остров», в котором задолго до «перестроечной» литературы было сказано о нашей – а не какой-то галактической – реальности) и на то, что до литературы просто-напросто не дотягивает. И вообще, слово «фантастика» и слово «воображение», в принципе, синонимичны, а литература, лишённая воображения, недостойна называться литературой.

Впрочем, я, конечно, понимаю, что в фантастике, как, впрочем, и в любом другом виде литературы, талантливых вещей – 10%, а остальное – гумус, на фоне которого и должны быть видны эти 10%. Вот моя задача, как руководителя клуба любителей фантастики, и попытаться научить отличать хорошую литературу от не очень хорошей. Впрочем, даже если мои «контактовцы» будут просто читать – это уже хорошо. Только любящих чтение можно научить находить хорошую литературу в море гумуса.

Фантастика начала прошлого столетия – полеты в космос, встреча с представителями иных цивилизаций, победа аборигенного земного разума (осеянного идеями коммунизма) над «вандализмом» периферий Вселенной...

Фантастика начала нового столетия и тысячелетия переполнилась пара-нормальными сущностями и ведомыми человечеству Земли, и новоиспеченными. Чем ты это объясняешь?

В общем-то, я не совсем согласен ни с первым тезисом, ни со вторым. Да, на первый взгляд все это есть. Да и как могли не интересоваться полеты в космос и победа коммунизма в стране «победившей» революции. (Впрочем, кавычки появились в нашу эпоху. Еще лет тридцать назад я бы и не подумал поставить кавычки.) Но, как ты думаешь, «Аэлита» – это роман о полете на Марс? Или о победе (впрочем, скорее о поражении) пролетарской революции? Скорее, это роман о любви – пусть и в оправе полета в космос и вооруженного восстания на Марсе. Или «Гиперболоид инженера Гарина» – о победе коммунизма?

Скорее, размышление о природе власти. А пьеса В. Брюсова «Диктатор». Там есть и полеты в космос, и победивший социализм. Но пьеса опять же о природе власти, о том, как власть изменяет человека. А любимый мной роман «Мастер и Маргарита» Михаила Афанасьевича? А... Да ладно. Почему мы прежде всего видим массовую литературу. На мой взгляд, надо судить по вершинам, по пикам, а не по долинам.

Тоже самое можно сказать о литературе конца XX – начала XXI века. Наплыв мистики был, скорее, в конце 80-х – начале 90-х годов. Так что же ты хочешь – эпоха перемен. Такой же наплыв мистики был и в начале века перед революцией. Все чувствовали наступающие перемены – отсюда и наплыв мистики.

Если мы возьмем произведения наших лучших современных, т.е. пишущих уже в новом тысячелетии российских писателей (подчеркиваю – не писателей-фантастов, а просто писателей, хотя они пишут в жанре фантастики), то мы там увидим глубокие размышления о человеке, его месте в обществе, его месте в истории, о совести, об ответственности... Навскидку имена: Евгений Лукин, Святослав Логинов, Г.Л.Олди (псевдоним Олега Ладыженского и Дмитрия Громова), Андрей Валентинов, Марина и Сергей Дяченко, Борис Штерн, Вячеслав Рыбаков... Можно даже далеко не ходить. У Ольги Белоусовой издан роман «Перекресток волков», а у Натальи Колесовой – роман «Прогулки по крышам». Роман Наташи – откровенное фэнтези с магами и вампирами, а роман Ольги не втискивается ни в какие жесткие рамки – просто фантастика, литературная фантастика. Там есть оборотни, волки, которые могут принимать человеческий облик, главный герой оказывается вообще волчьим богом, а земной бог изображен в виде голубка с окровавленными крыльями. Но эти романы не о вампирах и не об оборотнях. Романы о взрослении молодого человека или девушки со всеми сложностями роста, об ответственности, которую человек должен брать на свои плечи. А фантастика помогает заострить эти проблемы, сделать романы интересными для молодого (и не только) читателя.

Так что, если судить по лучшим произведениям, фантастика – это вам не вампиры и прочая мистика, хотя она их не чурается,

а вполне добротная литература. Может быть, на данный момент – единственный вид литературы, перенявший (по значимости проблем и идей) знамя у классиков.

Как ты думаешь, не является ли реальность производной от наших фантазий? Уже замечено было, фантастические катаклизмы американских авторов середины прошлого столетия (в литературе – отчасти, в кинопроизводстве – повально) породили эти катаклизмы в реальности, на голову самой Америки, и мы их сейчас наблюдаем по «Вестям TV». Интересный, скажут, вывод? Или фантаст – это особый с обостренной интуицией писатель, предвидящий основные проблемы будущего и проецирующий их в свои произведения?

Вот уж никогда не смешивал литературу и реальность. Не верю, что реальность литературная может так буквально отразиться в действительности. Просто есть две вероятности. Об одной ты уже сказала. Существуют авторы с обостренной интуицией, которые могут, если не предвидеть, то гениально угадать что-то – те же катастрофы, скажем. Определенные тенденции в обществе можно и предвидеть, и талантливый автор может их описать в своем произведении. Нам только останется восторженно вздыхать: «Ах, как он гениально угадал». Ведь предсказал же кто-то из наших фантастов первый атомный взрыв в 1945 году. А одного из американских фантастов всерьез предполагали привлечь во время второй мировой войны к суду за раскрытие государственной тайны – проекта создания атомной бомбы. Гениально предвидели будущее Замятин в романе «Мы» или Оруэлл в романе «1984». А вот Ант Скаландис в своей биографической книге «Братья Стругацкие» утверждает, что в романе «Волны гасят ветер» авторы гениально предсказали всю нашу перестройку и последующие за ней события в истории нашей страны.

Впрочем, есть и еще одна вероятность. Описаний будущего к нашему времени создано столько, в том числе и антиутопий, гибели мира от цунами, наводнений, землетрясений, нашествия враждебных человеку растений или животных, что немудрено: какие-то из описаний (а тем более – визуальных образов) обязательно совпадут, просто ну не могут не совпасть. Это даже

не зависит от таланта автора. Не думаю, что все создатели фильмов-катастроф – гении. Чаще всего – наоборот. Но количество обязательно где-то перейдет в качество.

Так что я не считаю необходимым делать из жизни фантастику. «Бритва Оккама» не позволяет. Действительность влияет на литературу. Наоборот – только в том случае, когда гениальные произведения влияют на читателей, воспитывают их, и уже они, читатели, создают будущее. Но это относится к обществу, к общественным катаклизмам, вроде революций, перестроек и т.д. К природе это никакого отношения не имеет.

Не согласна. Движения человеческой души, даже единичной, имеют к природе прямое отношение, и фактов этому сейчас – море. Не понимаю, почему ты не признаешь обратной связи: если общество очевидно влияет на литературу, почему литература не влияет на общество? «В начале было Слово...» Слово обладает огромной энергией, и мы это знаем не только историческим аспектом сознания, но и личным опытом в своей собственной судьбе.

Есть литературно одаренные и очень плодотворные (в писательском плане) авторы, произведения которых по конъюнктурному спросу издаются многотысячными тиражами и, по сути, – засоряют читателей дутой мистикой (на которую можно списать всё, творимое по своей воле); развращают видеорядом страстей и извращений (о которых читатель и не догадался бы без профессиональной подсказки); в конечном счете прессуют нас в плоскость элементарий, которым ещё долго колесо вертеть, чтобы дорасти до ответственности за действия в трех измерениях.

Писатель, музыкант, художник – самые эмоциональные представители культуры человечества. Писатель (в отличие от музыканта и художника) соединяет в своем творчестве ритм и видеоряд (создаваемый в поэзии ритмическим рисунком текста).

Производное – это уже фантом, обретающий жизнь. Фантомы реальны, и развеять их – дело, посильное не каждому смертному.

Талантливое литературное произведение воплощает в жизнь читателей целую плеяду сущностей, питающихся жизненной энергией или страстно желающих чего-то от людей.

Если это – фантомы Доноры, то целое поколение «заряжается» вложенной в них идеей (привилегия религий). Если они – вампиры, то целое поколение уходит «на кормёжку», самоуничтожаясь в любой форме – алкоголизме, наркомании, суициде, уголовщине... «Человек есть то, что он ест» – древняя восточная мудрость. Читатель «ест» книги. И, наверно, далеко не безопасно «есть» все подряд, пытаясь отследить влияние «зерен» от влияния «плевел» в литературе.

Мне трудно себе представить будущее человека, который в детстве «до отрыжки» питался «Томом и Джерри», в отрочестве отождествлялся с трансформерами, а в юности хлебал «острые приправы» препошлейших мелодрам. Это «кухня» сегодняшнего кино- и литературного дня. И этот человек (насытившийся за последние 15 лет «перестройки» в России) неизбежно должен стать или жертвой ублюдков или ублюдком. Матрица завтрашних проблем в них уже вложена! Он сам их создаст, если они не будут объективно созданы извне.

Так что, Николай, граница с двухсторонней связью в литературе все-таки есть. И я ее вижу. Мало того: я ее хлебаю! И не вижу белого хитона невинности на писательской братии. Этой породе людей достаёт быть одетыми в ризу покаяния (за всех!): вериги, кровь и пот.

В литературе не может быть безобидной игры (мол, я написал, а вы уж сами разберётесь...) По-моему, литературное произведение даже более реально, чем сам бытийный план, потому что писатель вытаскивает наружу и овецествляет самые тайные движения человеческой души. В фантастике – сокрытые движения мыслящей цивилизации.

А вот здесь, Татьяна, давай разбираться. Все-таки на природу влияния литературы нет. Прямого. Разве что опосредованное – через человека. А вот говорить, что я не признаю вполне проницаемой границы между литературой и обществом, – у тебя нет оснований. Я уже говорил о том, что и литература влияет на

человека и общество. Я сам сформировался как личность под очень большим влиянием произведений Аркадия и Бориса Стругацких – лучших, на мой взгляд, российских писателей XX века. Их влияние на историю России в конце века – по-моему, неоспоримо.

А то, что издадут многотысячными тиражами произведения писателей, далеких от литературной и нравственной высоты (в моем понятии – гумус), так неужели же непонятно – зачем? Идет планомерная, хорошо спланированная работа по превращению когда-то самой читающей нации в стадо оболваненных биороботов. Такими легче управлять, таких легче превратить в нацию рабов. И в советское-то время властям был не нужен думающий подданный. Поэтому под негласным запретом были братья Стругацкие, которые учили своего читателя, что думать – это обязанность. А уж в наше-то время, когда выросло поколение «томаджерревское», уже не только сверху предлагают «гумус» литературы, но и снизу рады потреблять. И наша задача, старых заядлых читателей, – пытаться научить ту молодежь, которая еще все-таки читает (а такая – слава богам – еще есть!), потреблять настоящую литературу, учиться отсеивать «гумус».

А вот что касается белого хитона или вериг для ныне здравствующих писателей... Я бы никогда не взялся «раздавать всем сестрам по серьгам». Дело личной совести каждого (тем более уже достаточно взрослого) писателя – что он пишет. Другое дело – я как читатель не буду его читать. Да и как читатель со стажем – порекомендую его читать молодежи или буду громко вслух ругаться и плевать. Конечно, это дело издателей – пропускать или не пропускать в печать ту или иную книгу. Но, к сожалению, наши издатели выполняют заказ (пусть негласный) власти. А какой он, этот заказ, я уже говорил. Но вот против чего я бы выступал, так это против цензуры. Проходили, знаем. К сожалению, любая цензура рано или поздно (скорее – рано), но начинает запрещать Ефремова и Стругацких и с большой охотой пропускать в печать Казанцева и Медведева. Пример из области фантастики. Пример из области поэзии, «мейстрима», детектива... можешь привести сама. Думаю, он будет примерно таким же.

Мы осознаем, что живем в России (земле абсурдов и самых фантастических обстоятельств), мы чувствуем это и шкурой, и сердцем. По-моему, первый писатель, позволивший себе это чувственное осознание запечатлеть в произведениях, был Николай Гоголь. От его «Вечеров на хуторе» Малороссии до имперски-гротескных «Мертвых душ» – целая жизнь, трагическая и смешная в серой шинели обывательского бытия, на которое обречены все без исключения дерзающие что-то сказать.

Я понимаю: фантасты – космополиты! Но ты ведь болеешь за Отечество, которому служишь, снимая серую шинель в прихожке своей творческой кельи?.. В чем ты видишь фантастические возможности России?

Я не знаю, откуда это взято, что фантасты – космополиты. Пока мир разделен на страны и нации, все мы будем русскими, американцами, поляками – несмотря на общность фантастического братства. И любовь к Отечеству пока что никто не отменял.

А фантастические особенности именно России... Пожалуй, в необъятности России, в том, что на ее земле рождается наибольшее количество талантов, которые учатся (да что там – учатся, пожалуй, с пеленок умеют) выживать со своим талантом вопреки очередному режиму, вопреки тому, что талант не нужен родному Отечеству, точнее – ее власти. Россия – родина слонов, а вот своей культуре, увы, нет. Мы с тобой об этом знаем не понаслышке. Пытался я штудировать проект, громко названный национальным, – «Культура». Но никаких возможностей для «Контакта» – просто не нашел. Да и наш НЛА выходит без всякой поддержки родных властей. А точнее – перестал выходить после первого выпуска.

Вот это умение духовных сил народа выживать не благодаря, а вопреки власти, – наверное, и есть залог какого-то будущего России. Без этого весьма необходимого умения страна бы давно духовно загнулась.

Давай вернемся к Гоголю, которому в сей год исполнилось бы 200 лет, если бы он не страдал состраданием к настоящему, изоциренно его убившему.

А может быть, Николай Васильевич своим талантом писателя создал Чичикова, воплотившегося таки со своими амбициями и проектами в 90-е годы прошлого столетия в щемящее-родимом Отечестве?

«Что за странная мысль – считать нас архитекторами? Мы совсем не способны проектировать будущее. В лучшем случае, мы можем лишь указывать дороги, которые ведут в тупик» (из письма Б.Н.Стругацкого, 1969 г.)

Николай Васильевич создал Чичикова, потому что Чичиковы тогда уже появились, заострив, естественно, какие-то черты характера. Но Чичиков был типичен для своего времени. И не его (Гоголя) вина, что Чичиковы оказались нужны во время и после перестройки. Именно такие прохиндеи и являются, к сожалению, героями нашего времени. По средствам массовой информации, именно олигархи двигают нашу экономику (а не рабочие, создающие что-то материальное). Именно олигархов под кризис спасает наше правительство из средств бюджета (как же, им не хватает средств купить очередную яхту или содержать футбольный клуб – кстати, даже не российский!)

Вот где поле деятельности нашим писателям-реалистам. Но ведь не посмеют, да и средств у реализма недостаточно, чтобы поднять эти проблемы.

А Николай Васильевич писал в своем (и о своем!) времени. Так что не будем обвинять его в том, что он создал нынешних комбинаторов жизни.

Еще, Николай, один чисто личный вопрос (глаза в глаза): а что ты (лично ты) ждешь и ищешь в никому не обещанном будущем? Грубо говоря, что лично тебе там надо и зачем?

М-да, вопросик. Так и хочется процитировать Лермонтова: «Уж не жду от жизни ничего я». Или повторить за А.Н.Стругацким (из его интервью Комсомольской правде» в 1990 году): «К счастью или к несчастью, потребности мои убывают катастрофически. По сути, потребностей у меня уже нет как таковых.»

Какое будущее? Пенсию бы поскорей заработать. Все какое-то подспорье. Ведь работу и на пенсии не бросишь. Сама знаешь, какие у нас пенсии. Да и в других отношениях особого

ничего не жду. Не нужна культура нашему государству. Если сами не пробьемся – ничего не будет.

А вообще, конечно, надеюсь еще почитать изданные романы моих «контактовцев». Ибо в рукописи читать – это одно, а в книге – совсем другое. Тем более, что есть что предложить издательствам. Но вот с изданиями что-то не очень получается. Провинция – она и есть провинция.

Так что, Татьяна, ждать от будущего и искать чего-то в будущем – бесполезно. Если мы сами что-то сделаем – оно в будущем и появится. Я хоть и любитель фантастики, а в жизни вполне трезвый реалист и предпочитаю творить будущее своими руками (и головой, конечно).

Например, я надеюсь, что у меня хватит сил и времени – и в 2011 году появится библиографический указатель «Фантастика и сказка Кузбасса. 2000 – 2010». Выйдут новые книжечки моих «контактовцев», которые я делаю сам, без оглядки на кого-либо. Есть и другие задумки. Сделаю – они проявятся в будущем.

Ну и, разумеется, я рассчитываю, что «Контакт» справит еще не один юбилей. 30 лет – еще не возраст.